Философия, социология и культурология

УДК 305:947.083

ТРАНСФОРМАЦИИ МОДЕЛИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Т.В. Кисельникова

Кузбасская государственная педагогическая академия, г. Новокузнецк
E-mail: tatyna_kiselnikova@yandex.ru

В условиях неолиберальной глобализации рассмотрена трансформация модели гражданского общества, представленной взглядами немецкого политического философа Ю. Хабермаса и его британским оппонентом А. Каллиникосом.

Тематика гражданского общества по понятным причинам относится к таким, чья актуальность является непреходящей. С конца XX в. в фокусе внимания исследователей находится процесс глобализации и его влияние на функции государства и гражданского общества. Все большее признание в научных кругах получает точка зрения, согласно которой «либерально-демократическая» модель гражданского общества при попытках перенести ее «в плоскость современных социальных реалий представляется мифологическим конструктором» [1. С. 316]. Поэтому предпринимаются усилия, направленные на выявление основных тенденций в развитии гражданского общества, новаций в соотношении его политических и неполитических функций и связях с государством [2–5]. Внимания заслуживают суждения о потенциале гражданского общества в условиях неолиберальной глобализации, представленные теоретиками «левого» спектра современной общественной мысли: крупным немецким политическим философом Ю. Хабермасом и не менее известным его британским коллегой А. Каллиникосом.

Ю. Хабермас в своих разработках исходит из тезиса, что то, что называют наступлением «эпохи постмодерна» является исчерпанностью «утопии трудового общества», опирающейся на идеи К. Маркса [6. С. 92]. Он жестко критикует современное капиталистическое общество, но с позиций, в которых отсутствуют такие, по мнению Ю. Хабермаса, недостатки марксизма не позволяющие получить адекватную картину, как:

1) утверждение, что структура буржуазного общества формируется «абстрактным трудам и типом труда, который дает заработок, что она управляется при помощи рынка, используется капиталистическим способом и организуется на предприятиях [6. С. 92]. Отсюда следует, что освободительная роль принадлежит индустриальному труду и развертыванию технических производительных сил, предполагается, что «формы организации, возникающие вместе с концентрацией рабочей силы на фабриках, должны в то же время образовывать инфраструктуру для солидарной сплоченности, формирования сознательности и для революционной деятельности производителей»;
2) «холистическое понимание общества», когда теория закрывает глаза на «систематическое своенравие обособившейся рыночной экономики, функции управления которой невозможно заменить административным планированием»;
3) недооценка возможностей демократического правового государства из-за сугубо «функционалистского» понимания государства;
4) телеологизм, из которого вытекает «склонность понимать социализм как исторически привилегированную форму конкретной нравственности, хотя любая теория **в лучшем случае** (выделено Ю.Х.) способна лишь задать необходимые условия для эмансипации жизненных форм, о конкретном облике которых должны договариваться сами участники процесса» [7. С. 160–163].

Сам Ю. Хабермас настаивает на «принципиально случайностном» характере истории. Переосмысленная с этих позиций диалектика понимается всего лишь, как «двойственность социальных практик». Понятно, что в таком случае нет оснований ожидать «радикального избавления от социальных патологий» ни в близкой, ни в отдаленной перспективе. Акцент делается на жизни в на-

стоящем, правда, это не означает примирения с действительностью. Ю. Хабермас говорит о необходимости «дистанционирования от фактически наличного», то есть, он – сторонник выстраивания социальных идеалов как нормативных структур. Дело в том, что Ю. Хабермас считает, что в «утопии трудового общества» К. Маркса потеряла жизненную силу не утопия, а ее конкретное содержание. Сама же утопия в социальной жизни и теории необходима. Это понятие рассматривается им (вслед за Э. Блохом и К. Мангеймом) в положительном смысле: как средство для поиска альтернативных жизненных возможностей. Как пишет исследователь творчества мыслителей «критического направления» В.Н. Фурс, под утопией здесь понимается «новый тип проективного сознания, который, следуя Э. Гидденсу, можно назвать «утопическим реализмом». ... В радикально расколдованном мире ... реальность во многом становится вопросом воображения и воли: **для действующего лица реален тот мир, который он в состоянии вообразить и в той или иной мере утвердить во взаимодействии (солидарном или конфликтом) с другими «миротворцами»** (выделено мною. – Т.К.) [8. С. 66–67].

Из сказанного ясно, что, в отличие от К. Маркса, Ю. Хабермас в основу теоретического понимания социальной жизни кладет не материальные производительные силы, а «производительную силу коммуникации» (его теория и нарывается теорией «коммуникативного действия»). Общество в ней предстает как «символически структурированной «жизненный мир» – сфера повседневной жизни, включающая в себя культурные образцы, легитимные порядки и структуры личности». Развитие обществ происходит эволюционно, в ходе «рационализации» жизненного мира. В концепции Ю. Хабермаса именно рационализация приводит к дифференциации жизненного мира (поначалу всецело регулировавшегося **коммуникативными** действиями), в котором появляются подсистемы (административная власть и экономика), функционирующие на основе **стратегических** и **инструментальных действий.**

В его теории данные понятия играют ключевую роль, поэтому целесообразным будет напомнить их определение. «Мы называем, – пишет Ю. Хабермас, – ориентированное на успех действие **инструментальным**, если рассматриваем его в аспекте следования техническом правилам действия и оцениваем степень эффективности интервенции во взаимосвязи состояний и событий; мы называем ориентированное на успех действие **стратегическим**, если рассматриваем его в аспекте следования правилам рационального выбора и оцениваем степень эффективности его влияния на решения рационального партнера ... В отличие от этих типов я говорю о **коммуникативных** действиях, если планы действия акторов координируются не посредством эгоцентрической калькуляции успеха, а через акты взаимопонимания. В коммуникативном действовании участники не являются первично ориентированными на собственный успех: они преследуют свои индивидуальные цели при том условии, что могут согласовать друг с другом свои планы действия на основе общих определений ситуации» [Цит. по: 8. С. 45].

Именно коммуникативные действия, по Хабермасу, как повседневные социальные практики, сплетают социальную ткань и воспроизводят общества. В коммуникативных действиях формируются и личности (его концепция «индивидуации через социализацию» опирается на идеи как К. Маркса, так и Д. Мида). В этом контексте понятны его утверждения, что в социальных пороках современного капитализма виновата не частная собственность на средства производства, а «всепроникающая коммодификация» образа жизни людей, которой люди и должны сопротивляться. Современные общества, поясняет свою мысль Ю. Хабермас, располагают тремя ресурсами управления: деньгами, административной властью и солидарностью. И «социальные патологии» происходят, по его мнению, вследствие вторжения отношений обмена (деньги) и бюрократического регулирования (административный ресурс) в «коммуникативные ядра частной и публичной сфер жизненного мира» [9. С. 265]. Поэтому предотвращать или ликвидировать патологии можно лишь перераспределив соотношение между тремя общественными регуляторами: «необходимо утвердить социально-интегративную власть солидарности против обоих других властных ресурсов-денег и административной власти» [6. С. 108; 7. С. 173].

Почему перераспределение должно быть проведено в пользу солидарности? Потому что, указывает Ю. Хабермас, именно солидарность до сих пор служит источником, откуда берут силу не только «жизненные сферы, специализирующиеся на передаче традиционных ценностей и культурного знания, на интеграции групп и социализации подрастающего поколения», но и «политическое волеизъявление» (т. е. власть) [6. С. 108].

В современном гражданском обществе он выделяет три «арены», где происходят процессы, связанные с управлением: «На **первой, легко различимой**, политические элиты проводят в жизнь свои решения через государственный аппарат. Под ней располагается **вторая** арена, на которой множество анонимных групп и коллективных акторов влияют друг на друга, образуют коалиции, контролируют доступ к средствам производства и коммуникации и (**что уже менее различимо**), благодаря своей социальной власти, ... размечают пространство для тематизации и решения политических вопросов. Наконец, еще ниже находится **третья** арена, где **трудноуловимые** коммуникационные потоки определяют облик политической культуры, а также с помощью дефиниций реалий состязаются за то, что Грамши назвал культурной гегемонией» (выделено мною. – Т.К.) [6. С. 110].

Так вот, любой проект, «сдвигающий гири весов в сторону управления посредством солидарности, должен мобилизировать нижнюю арену по отношению к двум верхним ... Автономные общественные организации (в качестве примера «акторов третьей арены» он приводит регионалистские, феминистские, экологические движения – Т.К.) должны добиться такого сочетания власти и разумного самоограничения, которое способно сделать управляющие механизмы государства и хозяйства достаточно восприимчивыми по отношению к целенаправленным результатам радикально-демократического волеизъявления» [6. С. 111]. В содержательном плане здесь имеются в виду процессы «генерирования» солидарности: «Эмансипированные субъекты, большие не связанные и не направляемые традиционными ролями, должны создавать для себя обязанности с помощью собственных коммуникативных усилий» [9. С. 267–268]. В организационном плане имеется в виду создание «институтов, закрепленных демократической конституцией (при закреплении в конституции положения, что управляющие обществом структуры не должны игнорировать постановления этих институтов – Т.К.), поскольку ответственность за решения, имеющие большие практические последствия, требует ясной институциональной отнесенности» [7. С. 173].

Таким образом, главными средствами совершенствования современных сложных обществ, по Хабермасу, является «дискурсивная демократия» и моральная оценка всех общественно значимых решений, а субъектом преобразований – гражданское общество.

В эту концепцию интенсификация процесса глобализации не внесла принципиальных изменений – просто глобальным стал масштаб проблем и средств их решения.

Ю. Хабермас согласен с тем, что неолиберальная глобализация вновь вернула социальные проблемы, казалось бы решенные в рамках национальных демократических государств с помощью прежде всего самих государств. Поэтому возникает вопрос, кто их сможет решить в эпоху «постнациональных государств». Он полагает, что исходить надо из факта необратимости глобализации и ослабления в этих условиях (но не исчезновения совсем) возможностей национальных государств. Функции «государства благосостояния» должны теперь перейти к «национальным инстанциям» (примеры: НАФТА, АТЭС, Европейский союз), но при этом Ю. Хабермас подчеркивает, что глобализация не должна привести к созданию «мирового государства»: «придется учитывать самостоятельность, своеволие и своеобразие государств, прежде бывших суверенными» [10. С. 232]. В создании демократически действующих «наднациональных институтов» «решающий вопрос, – подчеркивает Ю. Хабермас, – состоит в том, сможет ли в гражданских обществах и у политической общественности единой системы, занимающей территории многих стран, сложиться **сознание необходимости космополитической солидарности**» (выделено мною. – Т.К.) [10. С. 232]. Потому что, только давление такого гражданского общества способно заставить глобальных политических и экономических «акторов» осознавать себя в рамках международного сообщества в качестве его членов, которые «безальтернативно вынуждены сотрудничать между собой, а значит – учитывать взаимные интересы». Так что судьба проекта глобального сообщества, основанного на солидарности, во многом зависит не от правительств, а от «активных членов гражданского общества (социальных движений), выходящего за пределы национальных границ» [10. С. 233].

Насколько реально создание «глобального гражданского общества», движимого «космополитической солидарностью»? Ответ Ю. Хабермаса не является ни пессимистическим, ни оптимистическим. Шансы определенные у людей есть. «Объективно говоря, – отмечал он, – население земного шара давно уже сплотилось в недобровольное общество риска. Поэтому нельзя назвать совсем беспочвенным ожидание того, что **под давлением обстоятельств** продолжится богатый историческими последствиями сдвиг самосознания от локального и династического к национальному и демократическому», да и пример с пацифистским движением, «**отчетливо сложившимся в связи с опытом двух варварских мировых войн**», можно считать обнадеживающим (выделено мною. – Т.К.) [10. С. 233; 11]. Что же, вывод вполне в духе разделяемого Ю. Хабермасом мнения о «случайностном» характере истории.

Британский автор, напротив, доказывает, что действенность многих идей К. Маркса выявляется именно в ходе неолиберальной глобализации, когда противоречия капитализма приняли глобальный характер. Так, указывает он, в этот период социально-экономические проблемы капитализму решить не удалось. В подтверждение А. Каллиникос приводит статистику Центра экономических и политических исследований, сравнивающую периоды глобализации (1980–2000 гг.) и двух предшествующих десятилетий (1960–1980 гг.) в развитии стран, разделенных на 5 примерно равных групп (ОЭСР, Латинская Америка, Африка южнее Сахары, Восточная и Юго-Восточная Азия, Южная Азия). Выяснилось, что по экономическому росту и почти всем остальным показателям (средняя продолжительность жизни, младенческая и детская смертность, образование и грамотность) за последние 20 лет налицо явное снижение темпов развития по сравнению с двумя предыдущими десятилетиями [12. С. 29–33]. Кроме того, продолжало расти глобальное неравенство: в 1998 г. доход 1 % богатейшего населения планеты был равен доходу 57 % беднейшего населения, тогда как мировой коэффициент Джини, который оценивает степень неравенство, вырос до 66 [12. С. 30].

Далее, А. Каллиникос считает верным утверждение К. Маркса о том, что капитализму присущи также две основные особенности, как эксплуатация наемного труда и конкурентное накопление капитала и что определяемые ими отношения между трудом с капиталом и между самими капиталами являются конфликтными и другими быть не могут.

При анализе капитализма как системы, основанной на эксплуатации, К. Маркс выявил следующие его характеристики, которые, по А. Каллиникосу, сохраняются и сегодня:

1) Классовый антагонизм не является чем-то второстепенным или случайным – он определяет саму природу этой системы.
2) Прибыль, извлекаемая из труда наемных работников, показывает глубоко **несправедливый** характер системы.
3) Несмотря на юридическую свободу, рабочие в силу отсутствия экономической независимости, фактически несвободны.
4) Именно рабочие служат «источником созидания при капитализме – созидательный потенциал капиталистов «оказывается потенциалом второго порядка, потому что заключается в способности использовать преимущества предложенных другими нововведений и брать лучшее у своей рабочей силы и конкурентов ...».
5) Схема капиталистической эксплуатации» обозначают **пределы** системы в том смысле, что капиталисты как класс могут увеличивать свою сумму общей прибыли, лишь сокращая реальную заработную плату или увеличивая производительность рабочего класса.

Но это высвечивает и другое обстоятельство – что рабочие представляют собой значительную общественную силу.

Анализ горизонтальных отношений между капиталами позволяет: 1) понять, что именно конкурентная борьба объясняет, **почему** капитализму как экономической системе присущи эксплуатация и накопление капитала (процесс увеличения производительности посредством повторного инвестирования прибыли); 2) помогает объяснить его **развитие**. А. Каллиникос указывает на такие черты капитализма, выявленные К. Марксом, как одновременно динамизм и нестабильность. Именно конкурентная борьба «вынуждает капиталы поступать таким образом, который объективно оказывается неразумным и разрушительным для всей системы, ... но с субъективной точки зрения является рациональным и необходимым, ибо нацелен на индивидуальное выживание» – здесь кроется причина кризисов (в том числе и современных финансовых) [12. С. 40–48].

А. Каллиникос утверждает, что марксистская методология успешно «работает» при анализе и сложных процессов капиталистического развития в форме неолиберальной глобализации:

В экономике – одной из основных причин кризисных явлений в мировой экономике является явно выраженное «стремление к переинвестированию», что подтверждает идеи К. Маркса.

В международных отношениях – именно марксистская теория империализма, сформулированная социал-демократами в начале XX в. (а не популярные сегодня теории «политической глобализации» и концепция М. Хардта и А. Негри об американском могуществе, как «инструменте глобального капитала») способна, по мнению А. Каллиникоса, предложить «нередукционистское объяснение того, как логика конкурентного накопления ... может быть распространена на геополитические конфликты и военные могущество» [12. С. 63].

Основные положения марксистской теории капитализма по А. Каллиникосу: 1) объединение мировой экономики, достигнутое промышленным капитализмом, опирается на крайне неравную основу и связано с экономическим и военным господством над миром «горстки» западных держав; 2) развитие промышленного капитализма в этих странах вызвало, с одной стороны, процесс складывания «финансового капитала», а с другой – процесс объединения этих крупных фирм со своими национальными государствами, т. е. создание «государственно-капиталистических трестов»; 3) изменение форм конкуренции – экономическая конкуренция стала неотделима от военных и территориальных конфликтов, в том числе двух мировых войн.

А. Каллиникос отмечает, что все эти положения сегодня, хотя и нуждаются в поправках, но в то же время по-прежнему содержат «большую долю истины». В частности, остается верным в пунктах: 1) сохранение и углубление глобального неравенства; 2) интенсивные процессы мировой экономической интеграции остаются крайне неравномерными (более глубокие в финансовых рынках, чем в торговле и инвестициях), и они все же не привели к исчезновение национальных государств (часто приводимый в качестве примера Европейский союз, указывает А. Каллиникос, был результатом стремления к реализации именно национальных проектов, особенно Франции и Германии, связанных с поисками рычага воздействия на США); 3) действительно, во 2-ой половине XX в. в структуре империализма произошло частичное разделение экономического и военного соперничества. Но крах «советского блока», быстрое развитие Китая привели к созданию новой геополитической системы, характеризуемой С. Хантингтоном [12] как «странный гибрид, одно-многополярная система с одной сверхдержавой и несколькими крупными державами». США являются одновременно главным защитником капиталистической системы и агрессивным участником глобального экономического и политического соперничества.

Так что, заключает А. Каллиникос, процесс конкурентного накопления сегодня включает в себя и геополитическую конкуренцию между государства-

ми, и утверждение военного могущества также связано с этой логикой [12. С. 60–73]. Мир становится все более пугающим, а источником этого, как и других проблем (бедности, социальной несправедливости, экономической нестабильности, разрушения окружающей среды и войн), является капитализм, который следует рассматривать в соответствии с логикой, впервые описанной К. Марксом, как систему, основанную на эксплуатации труда и движимую конкурентным накоплением капитала. Следовательно, борьба с этими проблемами означает борьбу против капитализма. Поэтому совершенно закономерным, с точки зрения А. Каллиникоса, является возникновение антиглобалистского движения, которое, по его мнению, правильнее называть антикапиталистическим. Из всех видов антикапитализма («реакционный», «буржуазный», «локалистский», «реформистский», «автономистский») «социалистический антикапитализм» А. Каллиникос считает наиболее действенным и перспективным. Он – сторонник общества «социалистической демократии, которое должно, по его мнению, отвечать требованиям «справедливости, эффективности, демократии и приемлемости». Причем он подчеркивает: «Я утверждаю, что всякая альтернатива капитализму в **его нынешней форме** (выделено А.К.) должна отвечать этим необходимым требованиям (в том числе несколько неожиданной здесь эффективности – Т.К.), чтобы избежать вопроса о том, способна ли какая-либо иная версия господствующей экономической системы удовлетворить указанным требованиям» [12. С. 118].

Главное содержание этих требований А. Каллиникос определяет следующим образом:

- справедливость: общее у многих авторов в ее понимании – это мысль, что люди должны обладать ресурсами, необходимыми для обеспечения равного доступа к благам, в которых они нуждаются, чтобы прожить жизнь, которую у них есть основания ценить. Кроме того, он обращает внимание на идею Дж.А. Коуэна о том, что общество нуждается не только в социальной структуре, оно также включает в себя **социальный этос**, побуждающий индивидов справедливо относится друг к другу. То есть, здесь речь идет о выдвижении на первый план ценности солидарности. Так понимаемая справедливость, заявляет А. Каллиникос, включает в себя свободу, равенство и солидарность. Причем сегодня справедливость должна еще обладать в буквальном смысле слова глобальным охватом:
- эффективность: суть ее сводится к тезису, что «при прочих равных мы должны предпочесть экономическую систему, которая способна удовлетворять более широкий спектр потребностей, чем какая-либо другая»;
- демократия: дискуссионная проблема здесь заключается в том, **как** можно обеспечить необходимую децентрализацию экономики и власти (о его предпочтениях мы скажем ниже), а ценность демократии не нуждается в доказательствах;
- приемлемость: он согласен с мнением Дж.Б. Фостера, что здесь можно иметь в виду следующие условия: 1) темпы использования возобновляемых ресурсов должны быть приведены в соответствие с темпами их восстановления; 2) темпы использования невозобновляемых ресурсов не могут превышать темпов развития альтернативных приемлемых ресурсов; 3) загрязнение и разрушение среды обитания не может превышать «способности окружающей среды к ассимиляции» [12. С. 113–122].

Эти ценности, по мнению А. Каллиникоса, несовместимы с рыночной экономикой в ее традиционном толковании. Его внимание привлекла разработка элементов демократической плановой социалистической экономики, выполненная П. Девином в модели «переговорной координации», в которой «планирование принимает форму **политического** (выделено мною. – Т.К.) процесса переговорной координации, когда решения принимаются, прямо или косвенно, теми, на кого они влияют» [Цит. по: 12. С. 137]. В частности, предполагается, что наиболее широкие экономические параметры (макроэкономическое разделение ресурсов между индивидуальным и коллективным потреблением, социальные и экономические инвестиции, энергетическая и транспортная политика, приоритеты в окружающей среде) рассматривались бы в общенациональном масштабе избранным представительным собранием на основе совокупности альтернативных планов, подготовленных экспертами.

Но большая часть решений принималась бы на децентрализованной основе: экономическая власть «покоилась бы на органах переговорной координации отдельных производственно-хозяйственных единиц и секторов, в работе которых участвовали бы представители рабочих, потребителей, поставщиков, соответствующих правительственных органов и групп лиц, объединяемых общими интересами» [12].

Автор модели предусмотрел и возможные возражения – это время, затрачиваемое на принятие решений. П. Девин замечает в связи с этим: «В современных обществах значительная и постоянно растущая часть социального времени и так уже тратится на управление, переговоры, организацию и отладку работы систем ... Нет никаких оснований *a priori* полагать, что совокупное время, потраченное на подготовку работы самоуправляющегося общества, основанного на переговорной координации, превысило бы время, отведенное на управление людьми и вещами в существующем обществе. Однако общее время строилось бы, концентрировалось бы и, безусловно, распределялось бы между людьми иначе» [Цит. по: 12. С. 138].

Эти идеи, по мнению А. Каллиникоса, заслуживают внимательного рассмотрения и дискуссий.

Остается рассмотреть точку зрения А. Каллиникоса на способ перехода к социализму и возможных субъектов этих действий. Он – сторонник революции, поскольку убежден, что существующая власть обладает достаточными средствами для ослабления других видов сопротивления, используя современные «кнут и пряник» – «диалог» и «подавление». Субъект социалистических действий, утверждает А. Каллинникос, может быть коллективным – что уже и проявляется в современном альтерглобалистском движении, но при этом сохраняет свою силу теория классовой борьбы и признание стратегической (**на современном этапе**) роли рабочего класса. Это значит, пишет автор, что без участия рабочих (прежде всего в лице профсоюзов) альтерглобалистское движение не будет обладать необходимой мощью и наоборот, рабочий класс в одиночку также бессилен. По мнению А. Каллиникоса, сегодня мы наблюдаем глубокий кризис рабочего движения, но все же не его смерть.

Итак, оба автора признают растущую роль в управлении структур гражданского общества, только и способного решать глобальные проблемы. Оба – сторонники развития демократии, позволяющей генерировать солидарность как основу совместной жизни. Но в практических рекомендациях мыслители исходят из разных позиций: Ю. Хабермас предлагает отказаться от идей марксизма; А. Каллиникос, напротив, настаивает на использовании марксистской методологии в анализе и считает правильными идеи К. Маркса о социализме и путях движения к нему. Кто же более прав? Конечно, это покажет лишь историческое время, но, рассмотрев теоретическую основу выводов и рекомендаций, мы полагаем, что Ю. Хабермас несколько идеализирует интегративные возможности капиталистического общества. Представляется неверным его тезис о том, что принципиальными противниками современного капитализма могут стать лишь численно незначительные маргинальные группы – экономическая и социальная статистика говорит об обратном. К тому же совсем не случайно мы наблюдаем возрождение интереса к идеям К. Маркса как в альтерглобалистском движении [1, 13], так и среди его противников [14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русакова О.Ф. Парадигма гражданского общества в эпоху глобализации // Государство и общество: философия, экономика, культура: Докл. и выступл. на Междунар. научной конф. 14–15.04.2005. – М.: ЛЕНАНД, 2005. – С. 316–319.
2. Утар Ф. Гражданское общество и социальные альтернативы неолиберальной глобализации // Альтернативы. – 2004. – № 2. – С. 67–91.
3. Хардт М., Негри А. Империя. – Пер. с англ. – М.: Праксис, 2004. – 440 с.
4. Воронин Д.В. Государство, общество, гражданское общество: проблемы их взаимосвязи и взаимодействия // Государство и общество: философия, экономика, культура: Докл. и выступл. на Междунар. научной конф. 14–15.04.2005. – М.: ЛЕНАНД, 2005. – С. 202–204.
5. Тимофеев Т.Т. Парадоксы глобализации и общественное сознание // Глобализация и проблемы идентичности в многообразном мире. – М.: ОГНИ ТД, 2005. – С. 39–56.
6. Хабермас Ю. Кризис государства благосостояния и исчерпанность утопической энергии // Хабермас Ю. Политические работы. – М.: Праксис, 2005. – С. 87–113.
7. Хабермас Ю. Догоняющая революция и потребность в пересмотре левых идей. Что такое социализм сегодня? // Хабермас Ю. Политические работы. – М.: Праксис, 2005. – С. 147–178.
8. Фурс В.Н. Контуры современной критической теории. – Минск: ЕГУ, 2002. – 164 с.
9. Хабермас Ю. Концепции модерна. Ретроспектива двух традиций // Хабермас Ю. Политические работы. – М.: Праксис, 2005. – С. 234–268.
10. Хабермас Ю. Учиться на опыте катастроф? Диагностический взгляд на «краткий» XX век // Хабермас Ю. Политические работы. – М.: Праксис, 2005. – С. 209–233.
11. Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Хабермас Ю. Политические работы. – М.: Праксис, 2005. – С. 269–340.
12. Каллиникос А. Антикапиталистический манифест. – М.: Праксис, 2005. – 192 с.
13. Бузгалин А., Колганов А. Нужен ли нам либеральный марксизм? // Вопросы экономики. – 2004. – № 7. – С. 132–149.
14. Гайдар Е., Мау В. Марксизм: между научной теорией и «светской религией» // Вопросы экономики. – 2004. – № 5. – С. 4–27; № 6. – С. 28–56.

Поступила 16.01.2006 г.